

ВОКНЯЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В 1252 г.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Летом 1252 г. великий князь владимирский Андрей Ярославич был смещен со своего престола волей хана Орды Батые. Могущественный сарайский правитель для осуществления этой цели направил на Северо-Восточную Русь карательный отряд во главе с эмиром Неврюем. Место владимирского князя занял его старший брат Александр, получивший в книжной традиции прозвище «Невский».

Поездку в Орду Александра и решение хана о смещении Андрея исследователи объясняют разными причинами¹.

Н. М. Карамзин полагал, что Андрей Ярославич не смог справиться с обязанностями великого князя, чем вызвал гнев Батые. Александр отправился в Орду с целью смягчить гнев великого хана².

В советской историографии установилось мнение, что в начале 50-х годов XIII столетия сложился антитатарский союз. Данное предположение было сформулировано А. Н. Насоновым. Исследователь указывает, что перед событиями 1252 г. Андрей Владимирский «сделал как будто попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая, очевидно, на военную помощь от папы»³.

Данное суждение во многом определялось высказыванием К. Маркса, который в своих «Хронологических выписках» писал, что «Андрей пытался противиться монголам»⁴.

Наиболее концентрированно данное суждение оформлено в работе В. В. Каргалова «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси». Ученый отмечает, что решение центрального монгольского правительства о передаче Владимирского стола младшему Андрею «в обход его старшего брата послужило в дальнейшем источником» политических осложнений⁵. Во-первых, таким решением был недоволен Александр. Во-вторых, «Андрей Ярославич, получивший владимирский великокняжеский стол непосредственно от великого монгольского хана, вел себя довольно независимо по отношению к Орде»⁶. Кроме того, «в начале 50-х годов, когда Андрей Ярославич укрепился на великокняжеском столе, им была сделана попытка оказать открытое сопротивление Орде». С этой целью он «старался заключить союз с Южной Русью, с сильнейшим южнорусским князем Даниилом Романовичем Галицким» (в прямой зависимости здесь стоит «заключение брака между великим владимирским князем Андреем Ярославичем и дочерью Даниила Галицкого»)⁷. Кроме того, «на стороне Андрея активно выступил тверской князь Ярослав Ярославич (его «княгиня» и дети находились в войске князя Андрея во время битвы с татарами под Переяславлем)». «В целом в начале 50-х годов XIII в. на Руси сложилась довольно сильная антитатарская группировка, готовая оказать сопротивление завоевателям», — подводит итог В. В. Каргалов⁸.

В связи с данными обстоятельствами, по мнению В. В. Каргалова, «в борьбе против Андрея Ярославича, которого легко можно было обвинить в “измене” хану, для Александра открывалась единственная возможность вернуть принадлежавший ему по старшинству великокняжеский стол. Если Андрей Ярославич опирался на антитатарские силы, то Александр, естественно, мог отнять у него великокняжеский стол только при помощи Орды»⁹.

¹ Более подробно мнения исследователей см.: Соколов Р. А. Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 267–269.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. III, IV. С. 195.

³ Насонов А. Н. Монголы и Русь // «Арабески» истории. Т. I. Вып. 3–4. Русский разлив. М., 1994. С. 97.

⁴ Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. VIII. С. 145.

⁵ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 140.

⁶ Там же. С. 140.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Там же. С. 145.

В результате, «когда Александр Ярославич в 1252 г. приехал в Орду “искать” великое княжение, ему был оказан самый благосклонный прием». А «против великого князя Андрея была направлена сильная монголо-татарская “рать” царевича Неврюя»¹⁰.

Однако приведенное довольно категоричное суждение В. В. Каргалова оставляет в стороне другие возможности разрешения конфликта (если таковой был) между Александром и Андреем. В частности, вполне вероятна возможность переговоров между братьями-Ярославичами о перераспределении столов в их «отчине»¹¹.

Во многом указанные суждения основываются на сведениях В. Н. Татищева, которому следует С. М. Соловьев. В частности, в своей «Истории Российской» В. Н. Татищев сообщает, что в 1252 г. «иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение над ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея»¹².

В то же время Ф. Б. Шенк в своем обширном исследовании о месте Александра Невского в культурной памяти России более осторожно пишет о поездке князя в ставку хана, «предположительно чтобы интриговать против своего брата»¹³.

В свою очередь, В. А. Кучкин, не подвергая сомнению наличие мятежа князя Андрея, считает, что целью поездки в Орду Александра, «судя по всему, было получение Владимирского великого княжения», а его младший брат, «по-видимому, и выступил против ханов, надеясь удержать за собой великое княжение Владимирское, но просчитался»¹⁴. Исследователь вполне справедливо критикует концепцию, основанную на данных В. Н. Татищева¹⁵, по которой инициатором «Неврюевой рати» выступает князь Александр Ярославич.

Действительно, источники упомянутого уникального сообщения В. Н. Татищева нам неизвестны. Большинство летописных упоминаний о событиях 1252 г. осторожно отмечают предварительную перед «Неврюевой ратью» поездку Александра в Орду и его возвращение оттуда с «честью великою», после получения «стареишенства во всей братьи его»¹⁶. Причем данное обстоятельство летописец подчеркивает до описания похода татар на русские княжества. Тогда как после «Неврюевой рати» «Приде Александръ князь великий ис Татаръ в градъ Володимерь... и посидиша и на столѣ отца его Ярослава... и бысть радость велика в градѣ Володимери и во всей землинъ Суждальском»¹⁷. Таким образом, Лаврентьевская летопись никак не связывает поездку князя Александра в Орду и «Неврюеву рать»¹⁸.

Данные обстоятельства позволили А. А. Горскому привести очередной аргумент в пользу недостоверности известия В. Н. Татищева. Поход ордынского воеводы Неврюя не являлся результатом усилий Александра. Он был «запланированной акцией хана в рамках действий против не подчинявшихся ему князей». Бату-хан, выйдя фактически победителем во внутривосточной борьбе в Монгольской империи, вызвал к себе братьев-Ярославичей для перераспределения княжеских столов¹⁹.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 28.

¹² Татищев В. Н. История Российская. М., 1965. Т. V. С. 40; Соловьев С. М. История России. М., 1960. Т. III. С. 157.

¹³ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007. С. 46.

¹⁴ Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 28, 33.

¹⁶ ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 473.

¹⁷ Там же. Стб. 473.

¹⁸ Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 28.

¹⁹ Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 71—72; Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 59—60.

Надо полагать, что А. А. Горский верно подметил связь и последовательность событий. Братья Александр и Андрей в 1249 г. получили свои владения (старший — Киев и всю Русскую землю; младший — Владимирское княжество) из рук центрального монгольского правительства в Каракоруме²⁰. Тогда делами государства управляла вдова монгольского каана Гуюка Огул-Каймиш²¹, которая и выдала ярлыки на княжения. Однако в результате политической борьбы на престоле Монгольской империи оказывается Менгу, которого активно, в том числе военной силой, поддерживал глава Джучиева улуса Бату-хан. Официальная интронизация была осуществлена в месяц зу-ль-када 648 г. х., который соответствует 25 января — 23 февраля 1251 г.²²

Для традиционной монгольской политической практики была характерна необходимость подтверждения существующих владетельных прав при смене главы государства²³. Причем эти права должны были быть обеспечены личной явкой владетеля в ставку правителя. И действительно, армянские источники фиксируют вызов в степь армянских правителей в связи со сменой главы Монгольской империи. В частности, Киракос Гандзакецци описывает данные обстоятельства следующими словами: «...когда воцарился Мангу-хан, великий военачальник Батый... послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана»²⁴. Смбаг Спарпет относит начало поездки царя Хетума к 1253 г.²⁵

Единственными русскими князьями, получившими инвеституру в Каракоруме, являлись на тот момент Александр и Андрей Ярославичи. Именно они обязаны были явиться в ставку правителя, который занимался делами «Русского улуса». С большой долей вероятности можно предполагать, что функции управления русскими землями были переданы Менгу-кааном своему надежному союзнику и завоевателю Руси Батю.

Именно к нему в 1252 г. и отправляется Александр Невский. Вероятно, его поездка была напрямую связана с необходимостью подтверждения своих владетельных прав, хотя источники этого не фиксируют. Бату-хан подтвердил ярлык 1249 г., дав «ему старейшинство во всей братии его».

Андрей Ярославич не предстал перед орднским троном. Как отмечено в Лаврентьевской летописи, «зѣма... с своими бояры бѣгати нежели цесарем служити»²⁶. Именно после этого Батый, не дождавшись приезда Андрея, посылает на Русь военную экспедицию, результатом которой становится изгнание князя в «неведому землю». Александр же после этих событий получает ярлык и на Владимирское княжение, объединяя тем самым общерусский киевский стол с владимирским²⁷.

Показательно, что летописец осуждает скорее действия Андрея, нежели поведение Александра. Данные мотивы тесно перекликаются с Житием Александра Невского, также помещенным в Лаврентьевской летописи.

В Житии события описаны предельно кратко: «...По сем же разгнѣвася царь Батый на брата его меньшаго Яндрѣи и посла воеводу своего Неврина повоевати землю Сѣвдальскую»²⁸. Причем в Житии явно подчеркивается «правильное» поведение Александра после возвращения из Орды: «Не внимая

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

²¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л. Т. II. 1952. С. 128; Р. Ю. Почекаев полагает, что ярлыки на владения братьям-Ярославичам выдал еще Гуюк (Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007. С. 226). Однако великий каан скончался в 1248 г., возглавля империю «около года» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II). Андрей и Александр ездили в Каракорум, когда делами государства управляла вдова Гуюка Огул-Каймиш.

²² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 132.

²³ Подробнее см.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 54.

²⁴ Гандзакецци К. История Армении. М., 1976. С. 222.

²⁵ Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962. С. 47.

²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

²⁷ Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 29; Ставиский В. И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов). М., 1988. С. 95; Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1991. С. 190—191.

²⁸ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. V. С. 366.

богатства и не презри кровъ праведничю, сиротѣ и вдовици въправдѣ сѣднѣ, милостолубецъ, благъ домохадцемъ своимъ и внѣшнимъ от стран приходѣшим кормитель»²⁹.

При этом в Житии дважды появляется тема «плена»-«пленения». Описывая первую поездку князя Александра в ставку ордынского хана, автор отмечает, что Бату-хан (Батый) «слышавъ Александра тако славно и храбра, посла к нему послов и рече: “Александрѣ, вѣси ли, яко Богъ покори ми мнози языки Ты ли един не хоцещи покори ми ся?” Но аще хоцещи сохрани земли твои, то приди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего». Александр вынужден ехать в ставку великого хана, где Бату «подвися, и рече велможам своимъ: “Истиннѣ ми скажете, яко нѣсть подобна сему князи”. Почтивъ же и честно, отпѣсти и»³⁰.

Кроме того, в связи с последней поездкой князя в ставку хана в Житии отмечается: «Бѣ же тогда нѣжда велика от иноплеменник, и гоняхуть христіанъ, велаше с собою воинствовати». Князь же Александр «поеде к цареви, дабы отмолити люди от вѣды»³¹.

Показательно, что автор памятника в первую очередь подчеркивал, что монголо-татары вообще и их «царь» Батый в частности действуют как орудие Всевышнего. Надо полагать, что автор находил оправдание ордынской политике Александра, неявно сравнивая «царя в Восточной стороне Батыя» и Вавилонского царя Навуходоносора. При этом косвенно осуждалась политика младшего брата Александра Андрея (и, соответственно, ему подобных), который, по данным летописей, «здѣм... вѣгати нежели цесаремъ слѣжити»³², за что была разорена Суздальская земля³³.

Таким образом, в Житии фиксируются мотивы формирующейся концепции «плена»-«пленения», которые можно обнаружить и в летописном рассказе о «Неврюевой рати». По данным рассказа, князь Андрей Ярославич «здѣм... вѣгати нежели цесаремъ слѣжити»³⁴. Именно данный факт рассматривается как первопричина похода ордынских войск на русские княжества. В результате князь «с своими бояры» вынужден был бежать «на неведому землю». Его владения были разорены: «Татарове же россѣдѣша по земли... и люди е-цисла поведоша до конь и скота и много зла створше отидоша»³⁵.

Эти установки тесно перекликаются с Книгой пророка Иеремии, в которой, в частности, отмечается: «страна же ѿ царство, елицы аще не порабѣтють царю вавѣлонскѣ ѿ елицы не вѣждѣтъ выи своеѣ въ ѿрѣмъ царѣ вавѣлонска, мечемъ ѿ гладомъ постѣщѣ и хѣ, рече гдѣ, дѣндеже скончѣются въ рѣцѣ егѣ. Вы же не слѣшайте лжепрорѣкъ вашихъ ѿ волхвѣющихъ вамъ ѿ видѣщихъ снѣи вамъ, ни чарованій вашихъ, ни ѿваѣтелей вашихъ глаголющихъ: не послѣжите царю вавѣлонскомъ: ꙗкѣ ажѣ прорицають ти вамъ, мыы вы оудалитисѣ вамъ ѿ земли вашеѣ, извѣргнѣти васъ ѿ мыы погѣбѣти вамъ»³⁶ (Иер. 27: 8–10).

Показательно, что Книга пророка Иеремии посвящена описанию Вавилонского плена израильского народа. А отношение праведно верующего к Вавилонскому плену должно отличаться смирением перед волей Всевышнего. Ведь в книге пророка Иеремии отмечается: «склонѣте выи ваша под ѿго царѣ вавѣлонска ѿ слѣжете емѣ ѿ людемъ егѣ, ѿ живи вѣдете: почто оумираете, ты

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

³³ Ср.: Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 6. С. 23; подробнее см.: Амелькин А. О., Селезнѣв Ю. В. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004. С. 40–41.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

³⁵ Там же.

³⁶ «И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя вавилонского, — этот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, говорит Господь, доколе не истреблю их рукою его. И вы не слушайте своих пророков и своих гадателей, и своих сновидцев, и своих волшебников, и своих звездочетов, которые говорят вам: “не будете служить царю Вавилонскому”. Ибо они пророчествуют вам ложь, чтобы удалить вас из земли вашей и чтобы Я изгнал вас и вы погибли».

и людѣ твой, мечѣмъ и гладомъ и моромъ, ꙗкоже рече гдѣ ко странамъ, не хотѣвшымъ слѣжити царю вавилонскѣ»³⁷ (Иер. 27: 12–13). А также: «вселитеса на земли и слѣжите царю вавилонскѣ, и лѣчше вамъ вѣдетъ» (Иер. 40: 9).

И в рассказе летописца о «Неврюевой рати», и в отрывке из Книги пророка Иеремии присутствуют сходные смысловые мотивы. Это, в первую очередь, военное нашествие, вызванное отсутствием смирения князя Андрея перед волей Всевышнего. Во-вторых, это изгнание из собственных земель (ср.: «и побеже на неведому землю»; «...удалить вас из земли вашей и чтобы Я изгнал вас и вы погибли»). И, наконец, это разорение земель и пленение жителей княжества, которые тесно переплетаются с переселением израильтян в результате «Вавилонского плена».

Однако прямых указаний на отождествление «Ордынского» и «Вавилонского» плена в рассказе Лаврентьевской летописи о «Неврюевой рати» 1252 г. нет. Можно предполагать, что историософская концепция ордынского «ярма», «ига», «плена» находилась в период написания данной статьи летописи в стадии формирования.

Таким образом, князь Александр Невский действовал в полном соответствии с ордынской политической практикой. Смена каана Монгольской империи требовала подтверждения инвеституры от принявших ранее власть в Каракоруме. Сообщение В. Н. Татищева о жалобе и «лести» Александра в отношении своего брата Андрея можно считать умозаключением самого исследователя.

Оправдание действиям князя Александра русские книжники второй половины XIII столетия искали в соответствиях с библейскими сюжетами. Можно предполагать, что в период написания статьи Лаврентьевской летописи о «Неврюевой рати» (1280–1305 г.³⁸) и Жития Александра Невского (1263–1280 г.³⁹) начала формироваться историософская концепция «плена»-«пленения», наибольшее соответствие которой находили в «Вавилонском плене» израильского народа (в этом случае должен был быть прослежен временный характер данной зависимости, ведь власть вавилонского царя ограничена Всевышним «доколе не придет время и его земле и ему самому» (Иер. 27: 7)).

Показательно, что в большинстве более поздних летописей акценты явно смещены. К примеру, в Софийской I летописи рассказ о «Неврюевой рати» представляет собой краткое перечисление событий, правда, с добавлением некоторых частных⁴⁰. Как и в Московском летописном своде конца XV в., здесь отмечается, что князь Андрей был настигнут под Переяславлем на «Бориш день» (24 июля) и, потерпев в сражении поражение, бежал с семьей в Швецию⁴¹. Однако составитель Софийской I летописи добавляет, что Андрей «последн же на рати убьен бы(ть) от немѣць»⁴², тогда как в Московском летописном своде отмечается, что князь «по том приде в свои отчинѣ»⁴³. Единственная оценочная характеристика событий выражена в провиденциальной формулировке: «Гнѣвомъ бо в(о)жнимъ за множение грѣховъ нашихъ повѣжены выши»⁴⁴. Т. е. «Неврюева рать» рассматривается в данных летописях как обычный эпизод в прошлом Руси, который четко укладывается в привычные провиденциальные представления древнерусских книжников.

Развернутая характеристика произошедшего в 1252 г. дается в Никоновском своде. Во-первых, отмечается, что князь Александр Ярославич, отправляя в Орду к «новому царю Бартаку, славный же

³⁷ «Подклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского и служите ему и народу его, и будете живы. Зачем умирать тебе и народу твоему от меча, голода и моровой язвы, как изрек Господь о том народе, который не будет служить царю Вавилонскому?».

³⁸ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М., 1990. С. 43; Кучкин В. А. Летописные рассказы о битве на р. Калке. Рассказ в Лаврентьевской летописи // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под. ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 76.

³⁹ Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. С. 357; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.). С. 36–39; Бегунов Ю. К. Памятники русской литературы XIII в. и «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 20, 163. ⁴⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 327–328.

⁴¹ Там же. Стб. 327–328; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 141–142.

⁴² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 328.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 142.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 327; ПСРЛ. Т. XXV. С. 141.

града Владимиръ и всю Суздальскую землю вкрати поручи брату своему Андрею». Однако его младший брат «...аще и преоборенъ въ благороднемъ и храбростинъ, но обаче правление державы тако подѣланъ вѣчными, и на ловитвы животныхъ упражнимъ и советникомъ младодумнымъ внимамъ, отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроение, и оскудение въ людехъ, и тщета имѣнни, егоже ради Богъ поспѣшивъ»⁴⁵.

Показательно, что в Ветхом Завете повествуется о деятельности царя Ровоама, занявшего престол после Соломона: «Царь Ровоам советовался со старцами, которые предстояли перед Соломоном, отцом его, при жизни его... Но он пренебрег совет старцев, что они советовали ему, и советовался с молодыми людьми, которые выросли вместе с ним и которые предстояли пред ним... И отвечал царь народу сурово и пренебрег совет старцев, что они советовали ему» (3 Цар. 12: 6, 8, 13). В конечном итоге, царь Ровоам бежал от войск своих противников.

Андрей Ярославич, по данным Никоновского свода, мотивирует свои действия следующими словами: «Господи! Что есть доколѣ намъ межъ собою вранитися и наводити дрѹга на дрѹга Татаръ, лѹтчи ли есть вѣжати въ чужю землю, неже дрѹжитися и слѹжити Татаромъ». Однако он выступает со своими войсками навстречу ордынцам, но «Гнѣвом же Божиимъ за множение грѣховъ нашихъ погаными погѣжени быша, а князь великъ Андрей едва ѹвѣжа»⁴⁶.

Следовательно, в отличие от ранней традиции, в Никоновском своде действия князя Андрея оцениваются как пренебрежение своими обязанностями. В противовес ему князь Александр действует в соответствии с представлениями того времени о долге князя перед народом. В то же время от имени Андрея провозглашается идея единения князей и борьба с усобицами и использованием в своих политических целях татар («доколѣ намъ... наводити дрѹга на дрѹга Татаръ»). Не исключено, что именно эта фраза послужила В. Н. Татищеву основой для вывода о жалобе Александра на своего брата в Орде в 1252 г. Однако все эти установки Никоновского свода осмысливают события прошлого, и в частности 1252 г., уже в соответствии с представлениями времени составления памятника — 30-х годов XVI в.

Таким образом, князь Александр Ярославич, в отличие от своего брата Андрея, действовал в рамках политической традицией Монгольской империи, в связи с чем и получил ярлык на княжение.

Ранняя письменная традиция оценивала события русско-ордынских отношений того времени в категориях провиденциализма, ища им аналогии в библейских сюжетах, формулируя и осмысливая концепцию «плена»-«пленения» (использование в повествованиях мотивов Книги пророка Иеремии наводит на мысль о приравнивании «Ордынского плена» к библейскому «Вавилонскому плену»). Соответственно, мятежные действия князя Андрея оценивались негативно, как неугодные Богу. В более поздних памятниках, в связи с утратой актуальности событий 1252 г., «Неврюева рать» описывалась кратко, ограничиваясь простым перечислением событий с традиционными провиденциальными характеристиками.

Однако в позднем Никоновском своде появляется иная оценка мотивации и действий Андрея. При этом поведение князя также оценивается негативно, но уже как князя, который пренебрегает своими обязанностями.

Описание и характеристика событий 1252 г., таким образом, менялись в соответствии с актуальностью и политическими установками времени создания того или иного памятника.

⁴⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. X. С. 138.

⁴⁶ Там же. С. 138–139.